

Единое и частное: об охране личного пространства в гражданском законодательстве стран ЕАЭС

Вольфсон В. Л.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: vwolfson@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье оценивается целесообразность введения гражданско-правовой охраны личного пространства, по существу — единого права, на основании которого могут получить защиту все личные интересы.

Цель. Предложить и обосновать концепцию гражданско-правовой охраны личного пространства посредством единого субъективного права.

Задачи. Представить доводы в пользу закрепления единого личного права, предложить понятие личного пространства как охраноспособного блага, обсудить возможные возражения, показать преимущества единого легального режима.

Методология. Общенаучные методы и специальные методы: принятые в аналитической юриспруденции приемы толкования; сравнительное правоведение; оценка гражданского законодательства, исходя из его понимания как способа гармонизации частных интересов.

Результаты. Представление о личном пространстве (личных границах) приобретает в сознании российских граждан устойчивые очертания. При этом действующее право предоставляет охрану таким интересам только в предусмотренных законом случаях. Вместе с тем введение охраноспособности всех личных интересов по умолчанию вне легального режима было бы неэффективным решением. Автор предлагает свою теорию личного пространства как юридической категории. Закрепление единого личного права в законе не только обеспечит защитой выраженные в нем интересы, но и позволит определить признаки охраноспособности, оговорить изъятия из охраны, упростит отказ в защите в случаях злоупотребления правом.

Выводы. Развитие гражданского законодательства все более отстает от потребностей граждан в охране личных интересов. Автор призывает закрепить в законе единое личное право. Решающим критерием должен стать уровень выраженности ожиданий в таком праве субъектов регулируемых отношений, т. е. граждан России, а не степень распространения такой нормы в других юрисдикциях.

Ключевые слова: личное право, принцип дозволенности, злоупотребление правом, осуществление гражданских прав, деликт

Для цитирования: Вольфсон В. Л. Единое и частное: об охране личного пространства в гражданском законодательстве стран ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 92–101.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-92-101>

Integrity and Singularity: on a Civil Law Protection of the Privacy in the Countries of the Eurasian Economic Union

Vladimir L. Volfson

North-West Institute of Management, branch of RANEPА, Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: vwolfson@mail.ru

ABSTRACT

The article assesses the need for a privacy right to be enshrined in the Russian civil law. In effect, the issue is whether time is ripe for the protection of a universal right that would cover all personal interests.

Aim. To propose and substantiate civil law protection of the privacy by means of a single subjective right.

Tasks. To submit the rationale for enshrining a universal personal right, to offer a concept of the privacy as a protectable legal asset, to respond to possible objections, to demonstrate advantages of a unified legal regime.

Methods. Alongside general scientific approaches, the methods used in the research include interpretation technique, comparative jurisprudence, applying assessment of law efficiency based on its concept as a way to harmonize private interests.

Results. While the idea of personal space is making its way to a greater identity in the minds of the Russian people, the civil legislation provides protection to such interests only in cases provided for by the law. However, the judicial protection of all personal interests by default outside the legal regime would be an inefficient solution. The author offers his own theory of privacy as a legal category. Apart of providing defense for any relevant interests, legal recognition of a single personal right will allow to identify features of protectability, to stipulate the exemptions, and make easier for the courts to deny protection in cases of abuse of the right.

Conclusions. The development of civil legislation is increasingly lagging behind the need in protection of personal interests. The author stands up for a single personal right to be enshrined in the law. The crucial test is whether such a right live up to expectations of the parties of relations in question, i.e. citizens of Russia, rather than the extent to which such a rule is recognized by other jurisdictions.

Keywords: personal law, the principle of permissibility, abuse of law, exercise of civil rights, tort

For citation: Volfson V. L. Integrity and Singularity: on a Civil Law Protection of the Privacy in the Countries of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 92–101. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-92-101>

1. Введение. Постановка проблемы

Начнем с модельных ситуаций, показывающих существо обсуждаемой в статье правовой проблемы. В первой, ставшей основой для включенной автором в практикум по гражданскому праву задачи¹, писательнице Ш. досаждают игра на музыкальном инструменте из соседней квартиры. Поскольку это происходит в дневное время, административные запреты неприменимы, а возможность гражданско-правовой защиты нематериального блага, которое можно было бы условно обозначить как «интерес в комфортной звуковой среде», вызывает сомнения ввиду отсутствия необходимых по смыслу п. 2 ст. 150 ГК РФ² специальных законоположений; при этом единого личного права («права на личное пространство» или подобного по содержанию института) российскому гражданскому праву не известно. Подлежит ли защите, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (п. 2 ст. 6), указанный интерес? Могут ли быть приняты во внимание при изучении этого вопроса или, в случае положительного на него ответа, для решения дела по существу значительная разница в возрасте между Ш. и ее соседом, а также то, что Ш. всю жизнь прожила в своей квартире, а молодой музыкант является недавно вселившимся нанимателем? Во второй задаче, которая (как и первая) обсуждается в рамках преподаваемого автором курса, речь идет о «достоверной диффамации» — распространенное ответчиком указание на то, что истец, кандидат в депутаты, за 30 лет до описываемых событий признанный вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении преступления, «ранее был судим», нельзя однозначно понимать как ложное утверждение о сохранении давно снятой судимости, однако с учетом обстоятельств дела

¹ Гражданское право: практикум в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Н. В. Иванов, А. А. Павлов, А. П. Сергеев. Ч. 1. М.: Проспект, 2023. С. 15.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Утв. 30.11.1994 № 51-ФЗ. В ред. от 16.04.2022 № 99-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2022. № 16. Ст. 2601. Далее в тексте — «ГК РФ».

нет сомнений в том, что эти сведения были распространены в целях, далеких от соображений публично-го или общественного блага. Несмотря на имевшиеся попытки признания «достоверной диффамации» деликтом в доктрине [9, с. 4; 12, с. 186], *de lege lata* ее противоправность не признается (п. 1 ст. 152 ГК); такова же единая позиция Верховного Суда¹ и Европейского суда по правам человека². И вопрос здесь тот же: будет ли наше право защищать нематериальный интерес, нарушение которого, исходя из положений п. 2 ст. 150, не создает охранительного правоотношения?

Но можно включить в этот ряд и признаваемые гражданским законодательством деликты, нарушающие интересы в личных благах. При углублении в природу этих интересов становится ясно, что все они выражают интерес в охране личного пространства и что, не опираясь на этот интерес в виде посылки для умозаключений о границах этих деликтов, сложно выносить суждения по существу разрешаемых вопросов. Рассмотрим разъяснение, которое содержится в абз. 3 п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда № 25 от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³. Давая свое толкование изъятию из охраны изображения гражданина, предусмотренному в подп. 2) п. 1 ст. 152.1 ГК, Верховный Суд указал, что оно, по общему правилу, действует и тогда, когда «изображенные на коллективном фотоснимке граждане очевидно выразили свое согласие на фотосъемку и при этом не запретили обнародование и использование фотоснимка, за исключением случаев, если такое изображение содержит информацию о частной жизни указанных лиц»; другими словами, в согласии на фотосъемку при таких условиях усматривается презумпция согласия на использование изображения. Но легко допустить, что далеко не все готовы будут разделить такой подход и корень разногласия будет именно в различии понимании границ личного пространства. И даже если презумпция неверна в отношении статистического меньшинства граждан, это, на наш взгляд, достаточный повод для ее отмены. Неравномерность в восприятии личного пространства, по-видимому, исключает применение основанных на таком восприятии универсальных ограничений, поскольку речь идет о неотчуждаемом благе, а не об имущественных побуждениях, о которых можно рассуждать отвлеченно, исходя из принимаемых во внимание обыкновений. Но правильный ответ в любом случае здесь будет дан только тогда, когда обсуждение перейдет в поле личного пространства, т. е. общего по отношению к охране изображения блага.

Смоделированные выше ситуации призваны убедить, что в отечественной доктрине должна начаться дискуссия о целесообразности закрепления в гражданском законодательстве охраны личного пространства гражданина как единого блага. Однако как аргументы они являются следствиями другого и решающего довода: пробельность закона может указывать на потребность в правовой охране лишь тогда, когда является систематическим отражением невыраженности в праве реально сложившихся интересов [4, с. 46]. И здесь мы должны сказать о стремительно растущем осознании гражданами России личного пространства как единой категории [2, с. 27], причем обострение внимания к личным границам неизбежно сопровождается стремлением к их расширению. Приведенное разъяснение Верховного Суда показывает, насколько быстротечными становятся этапы в демаркации этих границ — то, что казалось недавно выходящим за них, уже занимает «пограничное положение».

2. Действующий закон и единое право на личное пространство

Российское право не просто не предусматривает охраны единого права на личное пространство как основания для его защиты, оно не признает такой защиты и в поле дозволенности. Численность охраноспособных нематериальных благ (п. 1 ст. 150) не ограничена, да и было бы странно, если бы их охрана, подобно вещным правам, строилась по принципу *numerus clausus* — признания принадлежности права к определенной категории только в силу того, что оно причислено к ней законом. Но защита этих благ

¹ См. абз. 5 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

² Хотя постановления ЕСПЧ не принимаются во внимание российскими судами, упомянутая позиция Верховного Суда формулировалась им со ссылкой на тождественность понятий диффамации как распространения только несоответствующих действительности сведений в российском праве и в постановлениях ЕСПЧ.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2015 г., № 8.

допускается в оговоренных случаях и оговоренными способами. Причины отличия от режима вещных прав нужно искать в том, что любые правовые связи субъекта с вещью при всем их гипотетическом разнообразии должны порождать единые и при этом самые действенные из всех возможных меры защиты, тогда как нематериальные блага ввиду их очевидной бесчисленности и бесконечных же существенных различий могут защищаться только в особо предусмотренных случаях.

Такое положение дел заметно не всем. Концепция развития гражданского законодательства¹ исходит из того, что в отечественном праве имеется «принципиальное положение о возможности использовать все способы защиты гражданских прав для защиты любых нематериальных благ» (п. 3.5), и далее призывает к сохранению такого положения. Но легальная действительность, на наш взгляд, не такова и таковой, в том числе на момент появления Концепции, никогда не была.

В соответствии с абз. 1 п. 2 ст. 150, *нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения*. Суть формулы квалификации (допуска) к защите сводится к тому, что защита предоставляется: 1) в специально оговоренных Кодексом или иными федеральными законами случаях и порядке; 2) одним из общих (ст. 12 ГК) способов, с оговоркой, что выбранный способ и пределы его применения вытекают из существа нарушенного блага и последствий характера нарушения. Причем и в том, и в другом случае санкция может применяться только в соответствии с законом (включая ГК). Если бы данное указание относилось только к первому основанию допуска к защите, вся формула лишилась бы смысла. Во-первых, зачем требовать *соответствия закону* основания защиты, «осуществляемой в случае и порядке», *предусмотренных законом*? Подобные провалы нормотворческой техники у нашего законодателя неизвестны. При этом, когда защита предоставляется в случаях и в пределах, в которых использование одного из предусмотренных в ст. 12 общих способов защиты вытекает из существа нарушенного права и характера последствий нарушения, указание на то, что защита осуществляется в соответствии с положениями закона, имеет смысл, о котором будет сказано ниже. Во-вторых, если считать, что требование о соответствии закону относится только к первому указанному в этой формуле случаю защиты, выделение второго случая вовсе теряет смысл, поскольку стирается отличие предоставления защиты нарушенному нематериальному благу от общего принципа предоставления гражданско-правовой защиты: разве же указание на то, что выбор способа защиты всегда должен быть в рамках соответствия существу нарушенного блага и последствиям нарушения не является общим режимом защиты всех прав и всех интересов?

Но если защита во всех случаях (как на основании специальных норм, так и стандартными способами ст. 12) может, по смыслу абз. 1 п. 2 ст. 150, предоставляться *только* в соответствии с законом, то что эта оговорка может означать? Только то, что *гражданско-правовая* охрана в целом подчиняется установленному в законе режиму и, прежде всего, предоставляется не всем нематериальным благам. В настоящее время в ГК охранительные меры установлены против распространения порочащих (пп. 1–9 ст. 152), а также любых не соответствующих действительности сведений (п. 10 ст. 152), использования изображения гражданина (ст. 152.1), вторжения в его частную жизнь. Охраняются также личные права на интеллектуальную собственность, хотя они, по нашему убеждению, направлены на охрану интереса в авторской репутации, а не неприкосновенности личного пространства [3]. Ответственность в виде компенсации морального вреда может наступить, если он причинен нарушением *и других* указанных в ст. 150 благ, но вовсе не всех и представленных всегда в виде незамкнутого ряда в разъяснениях Верховного Суда², в остальном не обнаруживающего готовность признать охраноспособность обсуждаемых благ в непредусмотренных законом случаях³.

¹ Одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009.

² См., напр., недавнее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2023 г., № 2.

³ Проблемы правовой охраны личного пространства в цифровой среде в правоприменительных позициях [Электронный ресурс] // Энергия Ци: цивилистика головного мозга. URL: <https://clck.ru/33nAj2> (дата обращения: 13.03.2023).

Сделанный вывод согласуется как с п. 2 ст. 2 ГК («неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ»), поскольку «другие» — это не «любые», так и с принципом открытости перечня охраноспособных нематериальных благ — он не подразумевает, что в текущий момент охраняются все эти блага.

Гражданское законодательство стран ЕАЭС также допускает защиту нематериальных благ только в предусмотренных законом случаях. Положения п. 2 ст. 151 ГК Республики Беларусь¹, п. 2 ст. 162 Республики Армения², ст. 17 ГК Киргизской Республики³ тождественны по содержанию п. 2 ст. 150 ГК РФ. Такой же вывод вытекает из § 3 гл. 3 ГК Казахстана⁴: в данный раздел включены лишь положения об отдельных способах защиты.

Нужно также обратить внимание на то, что так называемый генеральный деликт российского права — принцип, согласно которому восстановлению подлежат претерпевания вреда любых видов, если они вызваны противоправным действием, — не применяется к нарушениям личных прав (интересов). Для компенсационной защиты личного интереса в российском праве необходим специальный деликт: признавая причинение морального вреда деликтом (§ 4 гл. 59), законодатель по общему правилу не признает допустимым его компенсацию в случае нарушения имущественных интересов (ч. 1 ст. 151, п. 2 ст. 1100).

3. Понятие права на личное пространство

Итак, в гражданском законодательстве стран ЕАЭС, включая Россию, субъективное право на личное пространство как единое личное право не признается — ни в виде специального режима, ни в силу общего дозволения; между тем потребность в этом праве возрастает, отражая все более обостренное восприятие гражданами, принадлежащими к евразийской цивилизации, личных границ. В этой части работы мы представим свое видение этого права. Поскольку сущность субъективного гражданского права понимается автором как юридическое выражение вмененного интереса [4], то эта задача будет решаться посредством раскрытия природы того интереса, который должен быть воплощен в этом праве. Природа же интереса раскрывается указанием на природу блага, на которое он направлен.

Автор исходит из того, что существует единая область субъективных интересов, которые направлены на блага, неспособные быть объектом интереса других лиц. Таким образом, речь идет о благах, неспособных быть предметом присвоения (апроприации). Данное отрицательное определение, *вероятно*, оставляет за чертой определяемого понятия любые блага, которые соответствуют широкому пониманию категории «имущество» — тому, что охватывает и материальные, и нематериальные активы. Мы, однако, считаем нужным сохранить такому определению отрицательную модальность⁵, а поэтому полагаем неверным предпринимать попытки описания выделяемой области интересов через категоризацию благ, к ней не относящихся. Как только мы прибегнем к такому описанию, нам неизбежно придется давать и субстантивное описание признаков явлений, находящихся «по эту» сторону определяемого понятия, причем с выделением признаков, отличающих их от явлений, оставшихся по «другую сторону». Тем самым будет дискредитирована вся конструкция отрицательного определения. Задача же наша состоит именно в том, чтобы определить область, принадлежность к которой *любого* интереса сделает его охраноспособным, а поэтому необходимо указать на то, чем этот интерес, а точнее благо, на которое он направлен, *не* является. Выделенную область интересов автор и предлагает именовать личным пространством, которое должно, по его мнению, стать объектом соответствующего права.

Указание на то, что право на личное пространство — само по себе, конечно же, абсолютное — никогда не направлено на блага, способные быть объектом интереса других лиц, позволяет исключить

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь, принят Палатой представителей 28.10.1998 (в ред. 14.07.2020).

² Гражданский кодекс Республики Армения, принят Национальным Собранием 5.05.1998 (в ред. 7.02.2020).

³ Гражданский кодекс Киргизской Республики, введен в действие Законом от 8.05.1996 № 16 (в ред. 16.02.2023).

⁴ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27.12.1994 (с изм. и доп. по сост. на 07.03.2023).

⁵ В научной литературе высказываются различные мнения о наличии в правах на нематериальные блага положительных правомочий [7].

смешение этого права с обычным абсолютным правом. Последнее всегда выражает интерес к установлению границ для третьих лиц по доступу к какому-либо благу, изначально открытого к присвоению — к вещи, к использованию уникальных произведений умственного труда и промышленной собственности, к репутации. Но, как и любое абсолютное право, право на личное пространство должно иметь границы, заданные не в силу его природы (такие границы исключают), но правами и интересами третьих лиц — помимо ограничений, неизбежно налагаемых публичным правопорядком. Таким образом, когда интерес в личном пространстве, сталкиваясь с любыми встречными интересами, в том числе и с правами на личное пространство других лиц, терпит стеснения, это означает не то, что та область, на которую он перестал распространяться, по своей природе открыта к апроприации, но лишь то, что интерес в личном пространстве и выражающее его право вынуждены уступить преобладающему, по убеждению суда, встречному интересу любой природы. Точно так же интерес собственника недвижимой вещи в ее использовании — будь то интерес в открывающемся виде¹, в выращивании сельскохозяйственных культур или же в перестройке — может быть ограничен преобладающими, по мнению суда, интересами собственника соседского участка или же обладателя исключительного права на интеллектуальную собственность, выраженного в объекте права первого собственника; но от этого интерес, которым придется поступиться, не поменяет своей природы. Очевидно, что компромисс с противостоящими правомерными интересами, следствием которого становится утрата части личного пространства, достигается только одним средством — нахождением судом баланса интересов путем сопоставления сравнительной субъективной ценности благ, утрачиваемых одной стороной и приобретаемых другой [4, с. 26]. Так, нет сомнений, что в ситуации с писательницей Ш. правосудное решение может быть вынесено только с учетом, наряду с другими соображениями, времени, в течение которого та и другая сторона проживала в соответствующих жилых помещениях, поскольку с этим обстоятельством напрямую связана ценность их интересов в своих личных пространствах. Нельзя не обратить внимание на то, что старшинство образования интересов должно будет учтено судом и при разрешении споров собственников соседских участков.

Описываемое юридическое явление сходно с тем, что в цивилистике традиционно именуют правом на собственное действие. Сторонники такого воззрения полагают [6, с. 17], что пребывающий в общедозволительном поле интерес охватывается субъективным правом наряду с тем интересом, что охраняется против посягательств третьих лиц; ввиду того, что интересы третьих лиц не могут простираться на область интереса в личном пространстве исходя из предложенного выше понятия, можно было бы указать на то, что интересу в личном пространстве тоже не противостоит какое-либо долженствование третьих лиц воздерживаться от его нарушений. Отрицая реальность права вне долженствования, автор не признает и «право на собственное действие» [4, с. 14]. В гражданском праве внеправовая реальность по умолчанию пребывает в поле общей дозволенности. И если бы обсуждаемые интересы пребывали в этом поле, отрицание «права на собственное действие» делало бы предлагаемую теорию бессмысленной. Однако, как было показано, закон не распространяет на них режим, которого придерживается по умолчанию.

4. Защита личного права и деликтная ответственность

Система мер защиты и ответственности применительно к нарушению единого личного права ждет самостоятельного исследования. В нашей работе эта тема будет представлена краткими тезисами.

Во-первых, введение единого права не должно привести к исключению из закона ныне предусмотренных им правил об охране и защите отдельных нематериальных благ и препятствовать введению новых подобных положений с ясным, однако, указанием на то, что составляющие их нормы являются специальными по отношению к общей норме об охране и защите личного пространства, каковая, как следствие, будет применяться субсидиарно к отношениям, подпадающим под специальные случаи охраны. Во-вторых, легальное признание единого личного права должно сопровождаться оговоркой о том, что оно не охраняется в предусмотренных законом случаях. Здесь же следует указать на наиболее очевидное изъятие — осуществление вторжения в личное пространство в общественно-значимых целях,

¹ С учетом того, что ни отрицательный сервитут вида, ни соседское право российскому законодательству неизвестны.

с уже признанными доктриной пределами этого ограничения. В-третьих, компенсационная ответственность за причиненный нарушением моральный вред должна наступать в соответствии с действующими нормами деликтного права (§ 4 гл. 59), т. е. по общему правилу, при наличии вины, но с предлагаемыми в доктрине ограничениями [10] — например, ответственность за достоверную диффамацию должна наступать только при наличии умысла [5, с. 8; 7].

5. Ответы на возможные возражения

Предложению закрепить единое право на личное пространство в ГК могут быть противопоставлены следующие соображения.

Во-первых, если такой охраны гражданское право до сих пор не знает, не есть ли это самодостаточный повод предположить существенные причины, по которым такое предложение ранее отводилось?

Этот скептицизм может быть обоснован и ссылкой на отсутствие такой охраны, во всяком случае в безоговорочном и полном виде, во многих, в том числе наиболее влиятельных законодательствах. Впрочем, есть и противоположный пример: в ст. 28 ГК Швейцарии закреплено право гражданина противодействовать любому вмешательству в личные дела, а еще ранее в Законе об обязательственном праве (нынешняя ст. 49) за такие нарушения была предусмотрена ответственность в виде компенсации, правда только в случае «серьезных» посягательств.

В отсутствие прямого легального закрепления единое личное право может быть признано правопорядком в целом — как иными нормами законодательства, так и решениями высших судов. Вопреки встречающимся указаниям германская правовая традиция не привела к торжеству «известной научной концепции» [1, с. 555] — праву на охрану всех проявлений индивидуальности, хотя из кантонианских корней этой традиции возник закон, предоставляющий монистическую охрану любым интересам автора произведений литературы, науки и искусства [3]. Предложение Гирке и Колера о включении в ГГУ единого права личности было отвергнуто [11, с. 485]. Более того, ст. 823 ГГУ не образует генерального деликта. Однако после Второй мировой войны практика немецких судов привела к признанию общего характера личного права, прежде всего за счет квалификации его как «иного права», упомянутого в ст. 823 [11, с. 488; 7, с. 81]. Во Франции с 1970 г. признается право на уважение частной жизни (абз. 1 ст. 9 ФГК); ранее были предусмотрены меры его защиты средствами деликтного права (ст. 1382, ст. 1383 ФГК, ныне ст. 1240 и ст. 1241), построенного по модели генерального деликта. В США имеется доктрина единого *right of privacy*, восходящая к знаменитой статье в гарвардском журнале, опубликованной в 1890 г. [13].

Представляется, что отсутствие прямого легального признания личного пространства в юрисдикциях позитивного законодательства объясняется временем появлений кодификаций. Будучи имущественным по происхождению, гражданское право осторожно осваивало отдельные участки личностных границ. Но дело не только в этом.

Россия готова к закреплению единого права на личное пространство в гражданском законодательстве, и как раз постольку, поскольку существует и нуждается в защите интерес в таком едином личном праве. Важнейшей причиной генерации этого интереса является развитие городской среды, в которой проживает подавляющая часть общества [2, с. 26]. Становление гражданско-правовой охраны личности уже движется в нашей стране к целостному, единому праву. Личное пространство разбивается законодателем на частные сегменты поэтапно, но в том значении, в каком «разбивается парк», — направляясь к единству этих контуров. Накопление и освоение не нужно тому, кому принадлежит вся территория. И в тот момент, когда предстоит сделать решающий шаг, не стоит оглядываться и смотреть по сторонам.

Во-вторых, интерес в охране личного пространства может быть перемещен в поле дозволенности. Перевод в режим умолчания выносит решение о целесообразности охраны на основании легального режима на суд времени. Не более ли это разумно, чем немедленное законодательное признание? Такая мера позволила бы оценить истинный уровень потребности в охране этого интереса. Для того чтобы нелегитимированный интерес, выраженный в частной воле, был обеспечен защитой, нужно оценить, как соприкасается этот интерес со встречным интересом. И если в договорных отношениях

встречные интересы контрагентов сами по себе становятся средством взаимной легитимации, поскольку выражены в идентичной воле по согласованию условий сделки, то в иных частных правоотношениях обретению юридической силы заявляемым к защите нелегитимированным интересам предшествует его объективная оценка, выполняемая судом относительно интереса другой стороны спора. И только при наличии признаков достаточной устойчивости интерес освобождается от необходимости предметной субстантивации ad hoc посредством закрепления в нормах позитивного частного права. Более того, распространение на обсуждаемые интересы режима дозволения позволило бы оценить способность судов к предоставлению защиты любым, в том числе неожиданным для них интересам.

И тем не менее применение режима дозвоительности видится неэффективным решением. Неслучайно модельная ситуация, представленная в начале этого исследования, касается защиты неординарного интереса — в соблюдении тишины в дневное время. Неразумно ожидать, что суды будут готовы предоставлять защиту такого рода интересу в условиях отмены ограничений, предусмотренных ныне п. 2 ст. 150. Дозвоительность по отношению к благам, делимость которых по определению бесконечна, всегда будет мучительным испытанием для правоприменителя, причем в обратной пропорции эффективности судебной системы.

С введением любого ценза экзотичности претендующего на охрану интереса, режим дозвоительности утрачивает смысл. И вместе с тем этот режим порождает другую проблему: на каком основании суд будет отказывать в удовлетворении подобного требования? Если его защита дозволена по умолчанию и нет оснований полагать, что противостоящий интерес обладает большей весомостью, то действия по защите интереса не являются злоупотреблением правом. И более того, по сравнению с осуществлением защиты легального поименованного права квалификация защиты интереса, пребывающего в режиме дозвоительности, как злоупотребления правом, очевидно, является более затруднительной. Последнее соображение подводит нас к необходимости кратко обобщить преимущества легального режима охраны личного пространства единым личным правом.

6. Преимущества легального режима

Значение закрепления охраны личного пространства гражданина в гражданском законодательстве идет дальше простого устранения колебаний относительно его охраноспособности. Как было показано, суды теряют возможность отказывать в защите охраняемых в силу этого единого права личных интересов, которые при общедозвоительном режиме защиты могли бы показаться им «чересчур» экстравагантными. Но этим польза от предлагаемого решения не исчерпывается.

Легальная формула права позволит установить некоторые его квалифицирующие признаки, помимо тех, что встроены в родовое понятие права на личное пространство, каковое, напомним, охватывает область интересов, направленных на блага, в силу своей природы неспособных быть объектом интереса других лиц. Так, нельзя исключить, что в эту формулу будет включен в соответствии с обычно применяемой техникой смысловой категориальный ряд; в таком ряду могли бы быть названы имущественные и репутационные интересы. И все же автор предпочел бы увидеть отрицательное определение права на личное пространство (см. разд. 3).

Легальный режим помог бы судам избежать исследования правоосуществления на предмет злоупотребления правом¹, поскольку, по крайней мере, позволяет отсечь правоосуществление, если оно не соответствует указанным в законе предикатам². При этом, разумеется, как и при защите любого абсолютного права, суды, опираясь на общую норму о противодействии злоупотреблению правом, всегда смогут отказывать в защите требований, которые не нарушают границы права (в том числе с учетом изложенных выше гипотетических ограничений) и предъявлены в защиту интереса, имеющего меньший

¹ В теории злоупотребления правом, разработанной автором этой статьи, способ тестирования действий по защите права, как и вообще в двусторонних отношениях, на признаки злоупотребления правом именуется «относительным стандартом» (в отличие от «абсолютного стандарта», применимого к абсолютным правоотношениям) [4].

² В теории автора — минимальным вмененным значениям интереса [Там же].

вес, чем противостоящий интерес ответчика и третьих лиц (включая и публичный интерес). В частности, легальный режим права на личное пространство смог бы стать заслоном для инсинуаций в духе так называемой «новой этики», неолиберального догмата, не имеющего ничего общего ни с охраной личного пространства, ни тем более с нравственностью.

Но для того, чтобы знать, как соотносится правоосуществление с границами права, необходимо «учредить» категорию как юридическое понятие. Свой вклад, конечно, внесут и накапливаемая практика, и широкая теоретическая дискуссия, которая неминуемо развернется после того, как будет принято предлагаемое решение.

7. Заключение

Перед нами два пути.

Первый — это тот, по которому ныне идет российский законодатель: дискретная охрана по методу «разбиения парка». Но дальнейшее дробление будет все более настойчиво создавать контур для общей парадигмы, охватывающей признаки этих сегментов. Второй путь — признать эту «территорию» уже сейчас.

В завершение хотелось бы высказать предположение публично-правового свойства, не претендующее на статус защищаемых в работе научных идей, которые относятся исключительно к частному праву, и тем не менее тесно с ними связанное. По мнению автора, выход нашей страны из Совета Европы и обусловленных членством в этой организации конвенций¹ должен закончить период не только юрисдикционной, но и доктринальной зависимости от так называемых «прав человека» — кодифицированной в гегемонистских целях естественно-правовой идеи, подменяющей как моральный императив, нравственную основу всего человечества, так и бесконечность цивилизационных и культурных различий. Не сможет ли закрепление в российском гражданском законодательстве единого права на охрану личных интересов стать ступенью к переосмыслению конституционной концепции охраны прав личности?

Литература

1. Андропов В. В., Беляев К. П., Гонгало Б. М. [и др.]. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2012. 1328 с.
2. Вольфсон В. Л. Демаркация частности: эволюция частного права в городской среде // Свет и тени большого города: правонарушения в городской среде в междисциплинарном изучении: сб. статей по материалам научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 07.04.2020 / отв. ред. А. Л. Рогочевский. СПб. : СПбГЭУ, 2020. С. 25–27.
3. Вольфсон В. Л. Моральные (личные неимущественные) права автора и их содержание в странах общего права и странах континентальной системы : дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 217 с.
4. Вольфсон В. Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. М. : Проспект, 2017. 144 с.
5. Иваненко Ю. Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 224 с.
6. Малеина М. Н. Содержание и осуществление личных неимущественных прав граждан: проблемы теории и законодательства // Государство и право. 2000. № 2. С. 16–21. EDN: TQGIQX
7. Мужанова В. А. О положительном содержании субъективного гражданского права на нематериальные блага // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 77–82. EDN: OKJCSV
8. Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Диффамация как правовая категория // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 86–94. EDN: WMRSMD
9. Самородов Д. А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 179 с.

¹ В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 11.06.2022 №183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в Российской Федерации; все соглашения Совета Европы автоматически прекратили свое действие для Российской Федерации на следующий день после выхода из организации, что было зафиксировано Федеральным законом от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы».

10. *Свинцова М. В.* Противодействие диффамации по российскому гражданскому законодательству. М. : Юстицинформ, 2013. 84 с.
11. *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Том I. Основы / пер. с нем. Ю. М. Юмашевой. М. : Международные отношения, 2000. 480 с.
12. *Шмаков В. Н.* К вопросу о содержании гражданско-правового института защиты профессиональных чести, достоинства и репутации сотрудников полиции по действующему российскому законодательству // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36). С. 183–189. EDN: WLWPTP
13. *Warren Samuel D., Brandeis Louis D.* The Right to Privacy 4 // Harv L. Rev. Vol. 4. No. 5 (Dec. 15, 1890). P. 193–220.

Об авторе:

Вольфсон Владимир Леонович, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук;
e-mail: vwolfson@mail.ru

References

1. Andropov V. V., Belyaev K. P., Gongalo B. M. [et al.] Article-by-Article Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part I / ed. by P. V. Krashennnikov. Moscow. 2012. (In Rus.)
2. Vol'fson V. L. Demarcation of the Privacy: the Private Law Evolution in the Urban Milieu. Light and Shadow of a Big City: Urban Milieu Offences in Inter-disciplinary Studies. Coll. of articles based on the materials of the international scientific-practical conference, ed. by A. L. Rogachevsky. Saint Petersburg. 2020. P. 25–27. (In Rus.)
3. Vol'fson V. L. Moral (Personal Non-Property) Rights of the Author and Their Content in Common Law and Continental System Countries: Cand. of Sci, thesis. Saint Petersburg, 2006. (In Rus.)
4. Vol'fson V. L. Counteraction to Abuse of Right in Russian Civil Legislation, Moscow. 2017. (In Rus.)
5. Ivanenko Yu. G. Legal Defense of Honor, Dignity, and Business Reputation of Persons and Legal Bodies: Current Issues: Cand. of Sci. thesis. Moscow, 1998. (In Rus.)
6. Maleina M. N. Substance and Execution of Personal Non-Property Rights: Issues of Theory and Legislation // The State and the Law [Gosudarstvo i pravo]. 2000. No. 2. P. 16–21. (In Rus.) EDN: TQGJQX
7. Muzhanova V. A. On the Positive Substance of the Subjective Civil Personality Right // Siberian Legal Bulletin [Sibirskiy yuridicheskiy vestnik]. 2011. No. 4 (55): P. 77–82. (In Rus.) EDN: OKJCSV
8. Nevzgodina E. L., Parygina N. N. Defamation as a Legal Notion // Bulletin of Omsk Univeristy [Vestnik Omskogo universiteta]. Series: Law. 2016. No. 2 (47). P. 86–94. (In Rus.) EDN: WMRSMD
9. Samorodov D. A. Honor and Dignity in the Russian Civil Law: Social Background and Legal Features: Cand. of Sci. thesis. Moscow, 2005. (In Rus.)
10. Svintsova M. V. Counteraction to Defamation in the Russian Civil Legislation. Moscow. 2013. (In Rus.)
11. Tsvaigert K., Ketts Kh. Introduction to the Comparative Legal Studies: in 2 vols. Vol. 1. Moscow. 2000. (In Rus.)
12. Shmakov V. N. To the Question about the Content of Civil Legal Institution of Protection of Professional Honor, Dignity and Reputation of the Police Officers in the Applicable Russian Legislation // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii]. 2016. No. 3 (36). P. 183–189. (In Rus.) EDN: WLWPTP
13. Warren Samuel D., Brandeis Louis D. The Right to Privacy 4 // Harv L. Rev. Vol. 4. No. 5 (Dec. 15, 1890). P. 193–220.

About the author:

Vladimir L. Volfson, Associate Professor of the Department of Law of North-West Institute of Management, branch of RANEPА, Saint Petersburg, Russian Federation, PhD in Jurisprudence;
e-mail: vwolfson@mail.ru